

ке на стр. 233: читатель, знакомый с изданием Дильса сразу поймет, что А относится к свидетельствам, а В означает отдел подлинных фрагментов, но другие никак этого не поймут. Необходимо было дать и объяснения сокращений в названиях сочинений, из которых берутся тексты, например, указать полные заглавия сочинения Евсевия, так как «Дюонисий у Евсевия Р. Е. XIV, 23,2,3» (№ 54 на стр. 227), или «Эпикур ер.⁵⁵» (там же) совершенно невразумительны для неподготовленного читателя. Непонятно также, почему в русской транскрипции приняты латинизированные формы имен греческих авторов: «Аэций» (вместо Аэтий), «Симплиций» (вместо Симпликий). Откуда знает неспециалисту, что «Ямвлих V, P» означает сочинение неоплатоника Ямвлиха о жизни Пифагора? А знай он это, он бы мог разобраться, в какой степени следует доверять тому или другому тексту, а кстати и исправил бы непонятную запятую на точку (№ 5 стр. 200), не говоря уже о том, что мог бы в конце концов найти и подлинный текст и понять, что «современники его самого», это—современники самого Пифагора. Такие необходимые разъяснения значительно увеличили бы научную ценность книги и удобство пользования ею. Непонятны для читателя, не имеющего возможности пользоваться подлинными текстами, и условные обозначения, вроде скобок в тексте. Так, например, в тексте из Аристотеля на стр. 201, № 7 говорится: «... Они носят в пустоте, [ибо пустота существует] и, соединяясь между собой, они производят возникновение...» и далее... «Ибо...налицо не единое [а множество отдельных сущих]. Складываясь и сплетаясь, они рождают [вещи]. [Ведь] из поистине единого не могло бы возникнуть множество [вещей] ...» Что означают эти одинаковые квадратные скобки? Пропуски в греческом тексте, которые необходимо дополнить конъектурами? Добавления переводчика для ясности? Или, быть может, еще что-нибудь?

Нельзя не приветствовать появления новой работы заслуженного деятеля науки, нельзя не отнестись с полным вниманием к его стремлению дать наиболее полный свод переводов текстов, относящихся к древнегреческим атомистам, но вместе с тем нельзя не пожалеть, что данная работа А. О. Маковельского вышла в таком виде, который затрудняет чтение его труда и лишает во многих случаях возможности пользоваться им как собранием точных документов. Будем надеяться, что в последующем издании эти недостатки будут исправлены.

Ф. А. Петровский

III

Появление новых работ об античных атомистах всегда вызывает у нас в Союзе большой интерес. Тем больший интерес должна вызвать обстоятельная работа члена-корр. АН СССР А. О. Маковельского, о которой сам автор говорит (стр. 12), что его книга «воздаст должное великим материалистам древности» и является «всесторонним монографическим исследованием их учений» и что всякие свидетельства о Демокрите, которые могут быть привлечены после выхода в свет его труда, «могут иметь лишь третьестепенное значение» (стр. 198).

Книга проф. А. О. Маковельского распадается на два больших отдела: научное исследование, озаглавленное «От Левкиппа до Эпикура», и собрание источников (перевод фрагментов биографического и доксографического материала). Обе части примерно равны по объему. Первая включает главы, посвященные Левкиппу, Демокриту, современникам Демокрита и школе Демокрита. В этой части дана связная история греческой атомистики. Вторая часть соответственно распадается на 3 отдела: Левкипп, Демокрит и школа Демокрита. При этом отделы о Левкиппе и о школе Демокрита заключают в себе лишь те фрагменты, которые содержатся в классическом труде Дильса «Die Fragmente der Vorsokratiker» (3-е изд., 1922), а отдел, посвященный Демокриту, кроме отрывков, содержащихся у Дильса, включает в себя и большое число отрывков, не вошедших в это собрание.

Уже это перечисление разделов и большой объем книги говорят о том, что перед нами разностороннее научное исследование.

Проф. Маковельский поставил себе задачей не только собрать все сохранившиеся до наших дней отрывки и свидетельства о Демокрите, но и дать связное изложение и глубокий марксистско-ленинский анализ миропонимания атомистов. Значение этой работы тем более велико, что до сих пор составлением собраний такого рода занимались только историки философии — идеалисты (Муллах, Дильс, Нестле; выпущенные А. О. Маковельским в «Известиях Азербайджанского гос. университета» за 1925 и 1926 гг. собрания отрывков Левкиппа и Демокрита представляли собой лишь перевод книги Дильса).

Начнем с разбора первой части книги А. О. Маковельского. Автором собран обширный материал, и из него сделаны выводы, с которыми в ряде случаев нельзя не согласиться. Изучена огромная литература, учтены указания классиков марксизма-ленинизма, и в результате получился цельный и последовательный образ философа, стоящего на позициях механистического материализма.

При более углубленном изучении книги у читателя, однако, невольно возникают сомнения в правомерности метода, положенного в основу своей работы А. О. Маковельским.

Автор ее априорно, не считаясь с источниками, начертал себе образ материалиста-механиста со всеми теми грехами, которые ставятся обычно в вину представителям этого направления в наше время: Демокрит — чистый эмпирик и враждебен всякому рационализму (см., например, стр. 147); он всегда идет от частного к общему (например, стр. 118, 121); для него всякое сложное образование — это простое соединение элементарных тел (например, стр. 79); он чужд диалектике и не понимает, что целое есть качественно нечто новое по сравнению с его отдельными частями, что количество переходит в качество, он «не сумел преодолеть субъективизм в оценке познавательной значимости ощущений» (стр. 193); он отрицает революционные изменения в природе и обществе и стремится все объяснить эволюционным путем; он умеренный демократ, но настолько боится народа, что захвату власти народом предпочитает диктатуру (тиранию) (стр. 138); в теории, однако, он с оговорками сочувствует коммунизму (стр. 133); он стоит за гуманное обращение с рабами (стр. 139); он — сторонник исторического материализма, но не дорос до диалектического материализма и т. д.

Конечно, в ряде черт этот образ не может не соответствовать действительности: вряд ли можно, например, сомневаться в том, что «у Демокрита речь идет не о химическом, а о физическом сложении цветов» (стр. 100), тем более, что древние не знали химии; никто не усомнится и в том, что «превращение тела из твердого состояния в жидкое и газообразное и обратно Демокрит объяснял разъединением и соединением образующих его атомов, а также изменением их положения и порядка», ибо по учению Демокрита в с е б е з и с к л ю ч е н и я явления природы объясняются «разъединением атомов, а также изменением их положения и порядка»¹ и т. д. Однако в ряде других случаев факты не могут уложиться в эту социологизирующую и модернизирующую схему.

То, что Демокрит был эмпириком, — несомненный факт; мало того, мы глубоко убеждены, что деятельность Демокрита, как экспериментатора, еще далеко не получила надлежащей оценки. Но неверно, что Демокрит был чужд всякого рационализма, что он всегда шел от частного к общему, а не наоборот: сам же Маковельский, в полном противоречии к этому своему утверждению, заявляет на стр. 147: «как в познании, так и в этике (у Демокрита) конечный критерий разум», и на стр. 127: «[Демокрит] исходит из абстрактного понятия человека вообще», т. е. идет от общего к частному.

Утверждению автора противоречит свидетельство Аристотеля («Физика», III, 4, р. 203 в. 22), согласно которому те, которые признают существование бесконечных

¹ Хотелось бы, чтобы кроме этих общих слов автор объяснил читателю, как же собственно представляет себе Демокрит переход тела из одного состояния в другое.

но числу миров и пустоты, считают, что в бесконечном пространстве и времени нет разницы между возможностью и существованием. Указание на «признающих существование бесконечных по числу миров и пустоты», казалось бы, само по себе достаточно ясно¹, но мало этого: два античных комментатора этого места—Филопон (405, 23) и Симпликий (467, 16) указывают, что здесь речь идет о Демокрите; с другой стороны, Лактанций (*De ira dei*, 10) приписывает этот взгляд Левкиппу. Автору эти свидетельства, несомненно, известны, однако они нарушают стройность его предвзятой концепции, и он не вносит их в число свидетельств о Демокрите.

Когда автор говорит, что Демокрит «не сумел преодолеть субъективизм в оценке познавательной значимости ощущений» (стр. 193), он следует установкам идеалистической истории философии, пытавшейся представить учение Демокрита неким примитивом, полным противоречий, для того, чтобы всю заслугу создания античной «научной» философии приписать Платону и Аристотелю. Действительно, на следующей же (194) странице автор, следуя за таким столпом идеализма, как Эд. Целлер, заявляет, будто «Демокрит признавал недостоверность чувственных показаний, являющихся основой и для познавательной деятельности разума». Между тем Демокрит говорил лишь о недостоверности оценки познаний этих чувств низшим «незаконнорожденным» разумом (эту оценку исправляет высший разум); самые же показания чувств, как единственный критерий истины, по мнению Демокрита, всегда сигнализируют о реальной действительности. Это подтверждается, в сущности, всеми свидетельствами о Демокрите: «жалкий разум» (τὰ λειπὰ φρήν) в отрывке 125 у Дильса—это γυμνὴ σκοτία, «темная мысль», которая только вследствие своей темноты и неразумения пытается опровергать несомненные «законы верности», даваемые чувствами. В таком же плену у идеалистической истории философии оказывается автор и на стр. 57—58, когда вслед за Платоном и Целлером повторяет махровую клевету на афинских софистов, руководителей умственного движения V в., влагая им в уста такие выражения: «Искусный оратор может убедить людей в чем угодно... В основе могущества слова лежит обман... Отсутствие всяких принципов возводится в принцип». Мы знаем теперь довольно много об учениях современников и противников Демокрита—Продика, Протагора, Антифонта, Гиппия. Имеет ли эта инсинуация под собой какие-либо корни?

Ничем не обоснованным является утверждение автора (стр. 124) будто «из двух зол: монархии и власти массы неимущих—[Демокрит] готов предпочесть как меньшее зло единовластие... в этом случае создание царской власти или тирании является *правомерным*» (курсив мой.—С. Л.). В действительности Демокрит говорит по этому вопросу с полной определенностью и ясностью (отрывок 251 у Дильса): «Бедность в демократическом государстве настолько же лучше так называемого богатства под единоличной властью, насколько свобода лучше рабства». Автор пытается прочесть нужные ему мысли в сочинении неизвестного автора конца V в. (Anonymus Jamblichi), которого Катауделла совершенно произвольно отождествляет с Демокритом (это отождествление встретило единодушные возражения в научной литературе). Но если бы даже Anonymus Jamblichi был написан Демокритом, все равно заявление Маковельского оставалось бы необоснованным. В Anonymus речь идет только о следующем: когда в народе исчезает чувство справедливости и уважения к закону, создается благоприятная почва для такого беззакония, как тирания; но нигде не говорится, что автор одобряет или предпочитает это насилие народному правлению².

¹ К этому надо еще прибавить выражение: τὶ μᾶλλον (τοῖον ἢ τοῖον), бывшее характерной особенностью Демокрита, как указывает Секст (Pugh. hurotop., I, 213).

² Совершенно неосновательна и даваемая в этой связи на стр. 126 критика блестящего чтения отрывка 266, предложенного Т. Гомперцом. Т. Гомперц отнюдь «не влагает в уста Демокрита сравнение царской власти с орлом, а народа

Под влиянием идеалистических толкований Дильса автор утверждает (стр. 133), что Демокрит положительно относился к коммунизму! (повидимому, речь идет о потребительском коллективизме): «К коммунизму, осуществление которого [Демокрит] видит в догосударственной стадии жизни человечества, он относится скорее положительно, чем отрицательно. Он высказывает свое суждение о коммунизме в афоризме: «В общей рыбе нет костей» (P l u t., Quaest. conviv., II, 10, p. 643E). Дильс, который ненавидел и материализм и коммунизм (см. D i e l s, Elementum, стр. 1), априорно готов был считать, что всякий материалист сочувствует коммунизму, и соответственно этому толковал этот отрывок. Но стоит прочесть соответствующее свидетельство Плутарха целиком (с параллельным свидетельством З и н о в и я, Paquet. gr., I, p. 125, V, 23), чтобы убедиться, что принцип выделения отдельных равных порций был тогда демократическим, а принцип общего потребления—аристократическим и что разбираемая пословица означает, что при совместном пользовании каждый старается захватить себе как можно больше, и потому может подавиться костью. Лозунг общности имущества и потребления (*κοινὰ τὰ τῶν φίλων*) был в V в. лозунгом аристократии¹. Так же произвольно утверждение, будто «Демокрит видит в догосударственной стадии жизни человечества осуществление коммунизма». В свидетельствах о Демокрите ничего подобного не читается. Ни на чем не основано утверждение автора, будто Демокрит рекомендует гуманное обращение с рабами, будто «он учит, что ко всем людям мы должны относиться как люди... [учит], как воспитать у бедняков и рабов (курсив мой.— С. Л.) примирение со своей судьбой». Ничего подобного в отрывках Демокрита нет. Демокрит действительно убеждает бедняков примириться со своей судьбой, но о рабах здесь ничего не говорится. Нужно совершенно забыть о том, что раб был «одушевленным орудием», что в эксплуатации рабов в V в. привилегированные люмпен-пролетарии были кровно заинтересованы, чтобы допустить мысль, что Демокрит ставил на одну доску бедных граждан с рабами. В единственном отрывке, в котором Демокрит говорит о рабах (отр. 270 у Дильса) говорится: «Рабами пользуйся, как частями тела, каждым для другого дела», т. е. здесь речь идет о наиболее рациональной и выгодной организации рабского хозяйства,—сами рабы никого не интересуют.

Иногда для устранения свидетельств, противоречащих его социологизирующей схеме, автор прибегает к другому приему: неудобные ему отрывки он относит не к Демокриту, а к его учителю и предшественнику Левкиппу, Демокрита же перемещает в IV век (стр. 64, 127). И в этом случае он часто оказывается в плену у идеалистических конструкций, ибо (независимо от вопроса, существовала ли философская система Левкиппа как отличная от системы Демокрита) ни для кого не секрет, что идеалистическая философия, вслед за Аристотелем, раздувала заслуги Левкиппа, чтобы умалить заслуги Демокрита и обвинить его в плагиате, а деятельность Демокрита отодвигала в IV век. Ведь сам же Маковельский возмущен «тенденцией отодвигать время жизни Демокрита в IV век»: «В этом,—правильно замечает он,—сказалось влияние... В. Виндельбанда, рассматривающего Демокрита и Платона как представителей двух противоположных, одновременно выступающих течений» (стр. 43); точку зрения, относящую деятельность Демокрита к IV в., он характеризует как «несостоятельную» (там же). Но обо всем этом автор забывает, когда ему приходится подогнать взгляды Демокрита под свою априорную схему. В этом случае он, в противоречии с тем, о чем он сам же говорит на стр. 43, вслед за Виндельбандом и его последователями, видит в Демокрите с о в р е м е н н и к а и п р о т и в н и к а П л а т о н а; вся система Демокрита, по мнению автора, есть полемика с Платоном: «философская система Демокрита направлена против... сократо-пла-

с гадом», как утверждает Маковельский. В этом отрывке с орлом сравнивается не царь, а честный демократический государственный деятель, а с гадами—не народ, а профессиональные клязуники-сикофанты, преследующие его при представлении отчета народному собранию!

¹ См. мою книгу «Очерки по истории античной науки», стр. 327 слл.

тоновского идеализма», его задача — «построение всеобъемлющей системы знаний в противовес идеализму сократо-платоновской философии понятий» (стр. 64). «Демокрит является представителем рабовладельческой демократии в эпоху кризиса ее» (стр. 127), т. е. его учение характерно для IV в. Более того: цель философской деятельности Демокрита, по словам Маковельского, — не эмпирическо-познавательная, а этическая. «Демокрит, — замечает Маковельский, — прямо говорит, что цель философской системы в ее этическом действии» (стр. 143); при этом совершается насилие над отр. 31 у Дильса, где сказано лишь, что «мудрость излечивает человека от душевных страданий», т. е., что занятие наукой отвлекает человека от тяжелых душевных переживаний (ср. отр. 180 у Дильса), и ничего не сказано о «цели философской системы». Автор забыл при этом и о своем программном положении, что Демокрит был «эмпириком-естествоиспытателем», забыл и о диссертации Маркса, где Демокрит справедливо *противопоставлен* как раз в этом отношении Эпикуру, забыл о том, что произведение, подытоживающее философию Демокрита «Малый диакосм» вышло уже в 420 г., задолго до появления на исторической сцене Платона. Более того: здесь автор уже не говорит о том, что идеалистическая наука стремится отодвинуть время деятельности Демокрита вперед, в IV век, а утверждает, «что Трасилл отодвинул рождение Демокрита (назад) до 470 г. для того, чтобы сделать его ровесником Архелая в соответствии с высказываниями Аристотеля». Но Аристотелю, почти современнику Демокрита, не могло не быть известно, когда жил Демокрит, — значит, выходит, что Аристотель был грубым фальсификатором?¹

Если Демокрит выступал в IV в., то создателем всех основных положений его учения окажется уже Левкипп. Вопрос о Левкиппе весьма спорный, и исследователь вправе держаться любого взгляда по этому вопросу. Но Маковельский и в этом случае сам себе противоречит.

Аристотель и его школа, как известно, считали, что основное произведение Демокрита «Великий Диакосм» было написано его учителем Левкиппом и лишь приписано Демокриту. Если это верно, то надо рассматривать учение Левкиппа и учение Демокрита отдельно, как и поступает большинство западноевропейских ученых — Целлер, Дильс, Бейли и др. Наоборот, Эпикур считал, что никакого философа Левкиппа не существовало. Для объяснения этой точки зрения Эпикура несколько исследователей, в том числе автор этой рецензии, выставили и пытались обосновать предположение, что Левкипп нам известен только как действующее лицо в сочинениях Демокрита (подобно тому, как Сократ у Платона), тогда как сам Левкипп ничего не писал. Если это так, то Левкипп мог служить (подобно Сократу у Платона) рупором для выражения собственных взглядов Демокрита, что, вероятно, и хотел сказать Эпикур; в таком случае мы лишены уже возможности отделить учения обоих абде-ритов друг от друга.

Маковельский обрушивается на тех, которые отказываются от попытки восстановить учение Левкиппа, и восстанавливает его детально, приписывая учение об атомах Левкиппу, всю этику — Демокриту и т. д. Но в то же время он утверждает, что Левкипп ничего не писал, что «Великий Диакосмос» написан Демокритом и даже был «самым выдающимся из его произведений», что «Левкипп учил устно в тесном кругу учеников, и лишь Демокрит изложил эти учения в письменной форме, причём... [они] преподносились от имени Левкиппа» (стр. 24), что «вероятно, в нем [в «Великом Диакосмосе»] учения излагались от имени Левкиппа, что и послужило для Теофраста основанием считать автором этого сочинения Левкиппа» (стр. 53). Если это так, если уже Эпикур не мог установить, что принадлежит Левкиппу, и считал все эти учения принадлежащими Демокриту, то какие у нас могут быть критерии для утверждения, что эти учения и на самом деле принадлежали Левкиппу? Ведь если А. О. Маковель-

¹ Согласно Аристотелю (*De partibus animalium*, I, 1, 642a, 24) Демокрит *старше Сократа*, т. е. родился не позже 470 г.

ский признает, что у древних был обычай влагать свои собственные мысли в уста своих предшественников, если он считает, что «в сочинении «Пифагор» Демокрит свои собственные учения излагал от имени Пифагора» (стр. 50), то какие основания есть для того, чтобы думать, что в случае с Левкиппом дело обстоит иначе и Эпикур ошибался? И если этикой впервые стал заниматься Демокрит, то на каком основании А. О. Маковельский приписывает один из моральных отрывков Левкиппу (№ 334, Левкипп, А 37 у Дильса), несмотря на то, что в рукописях Климента читается Leukimos, и сам Дильс считает более вероятным, что это—искажение имени Lykikos?

Аргументация автора в пользу существования особой философии Левкиппа заимствована из арсенала идеалистической философии. Он замечает: «Решающее значение в этом споре, по нашему мнению (моя разрядка), имеют новые данные, найденные в геркуланских папирусах», и дальше слово в слово повторяет аргументацию Дильса. На тенденциозный характер этой аргументации я указывал уже в 1936 г. в своей статье «Zur Leukipp-Frage», «Symbolae Osloenses», XV—XVI, стр. 19 слл. Уже в древности было указано (у Diog. X, 37 и 7; ср. Sext. Adv. math. I, 3—4, Несус h. Miles. 30), что ряд писем Эпикура, в том числе так называемое письмо Эпикура к митиленским друзьям, на которое ссылаются Дильс и Маковельский,—злостная фальсификация, а текст папируса № 1788, которому оба эти автора придают решающее значение, тенденциозно дополняется и толкуется Дильсом: в действительности здесь эпикурейский автор возмущается клеветой перипатетиков, которые, будучи сами плагиаторами, называют автором «Великого Диакосмоса» Левкиппа и обвиняют Демокрита в плагиате!¹

Из рассуждений на стр. 78 мы видим, для чего понадобилось автору обособить и отодвинуть Демокрита в IV век. Дело в том, что принцип «исономии» (ὁ ἰσωνομίας) слишком хорошо засвидетельствован для Демокрита, чтобы его можно было просто игнорировать. Между тем такой принцип неуместен в устах эмпирика чистейшей воды, каким Демокрита рисует автор: «Абстрактно-логический характер этого доказательства,—говорит Маковельский,—идет в разрез с теорией научного метода», придуманной им же самим для «Логики» Демокрита. Автору известно даже, что «это доказательство, принадлежащее Левкиппу, вначале было принято и Демокритом, но впоследствии Демокрит... отбросил это доказательство» (там же), несмотря на то, что в источниках нигде об этом не говорится: Секст (Pyrrh. hypot., I, 213) свидетельствует, что ὁ ἰσωνομίας было любимым «припевом» Демокрита (а не Левкиппа),—именно он, Демокрит, его постоянно повторял (ἐπιφθέγγεσθαι)².

В ряде случаев автор дополняет от себя черты учения Демокрита, о которых ничего не говорится в источниках. На стр. 118—119, 121 и 138 труда дано подробное изложение учения Демокрита о происхождении общества, а Демокрит изображен настоящим материалистом эволюционного типа. Автор делает вывод (стр. 121), что «Демокрит понимал ведущую роль экономики», что «в массовых явлениях [Демокрит] видит ключ к объяснению исторических событий», что, по мнению Демокрита, «народная масса есть подлинный деятель истории», что «в центре внимания Демокрита стояли такие явления народной жизни, как народное хозяйство, денежное обращение и кредит, быт и психология народной массы», что, по мнению Демокрита, «в жизни общества большие внезапные перевороты являются продуктом давно происходивших накопившихся незначительных изменений» и т. д. Все это не подтверждается и не может быть подтверждено никакими свидетельствами.

Автор, на наш взгляд, редко и не всегда удачно аргументирует свои положения подлинными античными текстами, но слишком переполнил книгу ссылками на научную литературу—главным образом на немецкую литературу середины XIX в. Многие

¹ См. мои «Очерки...», стр. 134.

² Место Aristot., Phys., VIII, 1, p. 252 b 35, никакого отношения к этому вопросу не имеет.

из этих книг давно потеряли всякое научное значение, многие вообще не внесли ничего нового в разбираемые вопросы. Автор очень редко указывает на то, чем ценна каждая из упоминаемых им книг, что нового внесла она в науку и, в частности, чем обязан ей автор книги. См., напр., стр. 70: «... говорят об элементах скептицизма в философии [Демокрита] Руд, Гирцель и Пауль Рихтер»; стр. 71: «Об антисенсуализме Демокрита говорят П. Наторп, К. Боймкер и Г. Гарт... «Причисляют Демокрита к рационалистам Э. Целлер, В. Виндельбанд, Ренувье, Вильмовиц-Меллендорф, С. Трубецкой». «Г. Риттер, Фр. Шлейермахер, М. Филиппов и др. также считают Демокрита эмпириком»; стр. 74: «К. Боймкер, А. Гедекмайер, Э. Кюнеман и др. считают, что, по учению Демокрита, все качества вещей «всецело субъективны» (gänzlich subjektiv)... стр. 75: «Говорят о близости Демокрита к идеализму Д. Пейперс, П. Наторп, Кинкель, Форлендер, Кассирер, Бюк и др.»; стр. 142: «Полное согласие и внутреннюю связь между атомистикой Демокрита и его этикой усматривают Гирцель, Керн, Циглер, Гейнце, Кестлин, Виндельбанд, Ланге, Наторп и др.» и т. д. и т. д.

Для чего нужны эти перечни имен? Ведь культ немецкой идеалистической философии середины прошлого века чужд нам. Следовало бы изложить весь материал от своего имени в таком виде, каким он представляется автору, ссылаясь, главным образом, на первоисточники, а на предшественников только в тех случаях, когда их толкования принципиально важны и открыли новые пути в науке. Авторы, суровая критика которых необходима в книге, написанной марксистом, либо упоминаются А. О. Маковельским в сочувственном тоне, либо автору делаются лишь мягкие возражения по частным вопросам. Я имею в виду прежде всего часто упоминаемую автором книгу С. И. Данелиа «Научное знание в представлении Демокрита» (1935). Эта идеалистическая книга требует беспощадной критики. Данелиа считает, что атомисты не сыграли никакой роли в истории науки, ибо «физикальное мышление само по себе антинаучно», вся теория атомистов «соткана из внутренних противоречий», ибо никакая наука невозможна «без сократовского самопознания», единственными деятелями естествознания были до Сократа, по мнению Данелиа, элеаты (несмотря на то, что даже Аристотель называл их *ἀποσιώματα*). Чего стоит, например, такая фраза: «Наивность в области знания есть отсутствие науки и замена ее суррогатом науки, т. е. опытом, наивность в области религии есть отсутствие веры и замена ее суррогатом веры, т. е. язычеством!». Ненаучность Демокрита заключается, по мнению Данелиа, в том, что он «признавал только то, что обладает физической реальностью», иными словами в том, что он был материалистом. И для такой книги у Маковельского не нашлось ни одного слова критики!

Еще более типично некритическое отношение к книгам, вышедшим на Западе. Автор относится с благоговением к крупным деятелям западной науки (прежде всего к Дильсу), принимает все их утверждения на веру без проверки на первоисточниках и поэтому нередко оказывается в плену у них.

Приведу пример. В своей диссертации Маркс с исключительной выпуклостью подчеркнул основную разницу между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура: если первый был детерминистом и «видел форму мышления действительности в необходимости» (стр. 36 русского пер.), то, продолжает Маркс (стр. 37),—«Эпикур, наоборот, говорил: «Н е о б х о д и м о с т и, которую некоторые ввели как властительницу, не с у щ е с т в у е т... «Лучше следовать мифу о богах, нежели быть слугой рока физиков. Ибо миф этот оставляет надежду на помилование за почитание богов, рок же есть неумолимая необходимость (D i o g. L., X, § 134). Несчастье—жить в необходимости, но нет необходимости жить в необходимости... Преодолеть самое необходимость дозволено...» На дальнейших страницах Маркс показывает, что в этом разгласии Демокрита и Эпикура—к л ю ч к о в с е й ф и л о с о ф и и Э п и к у р а, в частности—к знаменитому отклонению атома от прямой линии.

Это замечательное открытие Маркса вполне подтвердилось и памятниками, найденными после его смерти. Вот что говорит эпикуреец Диоген из Эноанды (отр. 33,

столб. 2): «Если кто-либо скажет, что... нельзя избежать необходимости, он никогда не избавится от смятения... Если верить в предустановленность, то теряет смысл всякое увещание и порицание и не следует наказывать даже преступных людей». Отр. 6, столб. 2: «На основе твоего учения, Демокрит, не только невозможно найти истину, но и жить» и т. д.

Однако А. О. Маковельский вместо того, чтобы в свете этих замечательных указаний Маркса подвергнуть филологическому изучению первоисточник, предпочел ученически следовать Дильсу. Это привело его к серьезной принципиальной ошибке.

Под № 63 он приводит из Дильса (А 69) первую фразу (дальнейший текст отсутствует у Дильса) свидетельства Эпикура о Демокрите из его сочинения «О природе», папирус 1056, и дает к нему комментарий, представляющий собой довольно точный перевод комментария Дильса (однако без всякого указания источника), и в духе этого комментария Дильса дается перевод и всего отрывка:

Diels, отр. 101, прим. к строке 30; Epikur meint, obgleich die Abderiten in vielen Dingen Grosses geleistet, sei es ihnen doch selbst noch nicht klar gewesen, welche Erleichterung der Gedanke der Ananke und Tyche der Welterklärung gebracht habe. Die Tatsachen (ἔργα), die Epikur neu gefunden zu haben glaubt, beseitigen vollends die δόξα (vulgäre Auffassung einer göttlichen πρόνοια) und führen die mechanische Theorie der Abderiten zum Siege.

Маковельский, стр. 229; Признавая великие заслуги абдеритян, Эпикур здесь говорит, что все же самим абдеритским мыслителям не было еще вполне ясно все значение их учения о необходимости. Эпикур полагает, что лишь ему удалось окончательно опровергнуть веру в божественное провидение и таким образом доставить победу механической теории абдеритских философов.

Этот комментарий Дильса используется и в исследовании Маковельского. На стр. 29 мы читаем: «Эпикур в сочинении «О природе» говорит, что Левкипп и Демокрит сами еще не осознали всего значения своего учения об естественной необходимости. Им еще не было ясно, как облегчает объяснение мира мысль, что все совершается по необходимости».

После приведенной выше убедительной характеристики Марксом основного пункта полемики между Демокритом и Эпикуром воистину удивительно, что Эпикур (как получается при дильсовом переводе и толковании этого места) в о с х и щ а л с я учением о «необходимости», т. е. механическим детерминизмом Демокрита, и видел в нем «великое облегчение для человечества». То, что Дильс, открытый и принципиальный враг всякого материализма¹, сваливает в одну кучу Демокрита и Эпикура, как «механистов», прибегая для этого даже к натяжкам, вполне понятно. Но как мог А. О. Маковельский, знающий и эти отрывки и диссертацию Маркса, не остановиться в недоумении перед этим толкованием Дильса, а последовать за ним и не заметить, что Дильс привел лишь начало отрывка Эпикура, умолчав о его продолжении? Кроме того, никак нельзя согласиться с данным Дильсом переводом выражения: καίπερ ἐν πολλοῖς μεγάλοι, κομφίσαντες ἐν τῇ τῆν ἀνάγκη... πάντα δύνασθαι... словами: «Хотя они были во многих отношениях велики, но они... принесли большое облегчение тем, что считали всемогущей необходимостью». Во-первых, после выражения «хотя они были во многом велики», естественно должно следовать порицание, а не похвала. Во-вторых, глагол κομφίζω, как известно, имеет два значения—одно непереходное, «быть легким» (κομφῶν εἶναι), другое—переходное: «делать легким, облегчать». Ввиду отсутствия прямого дополнения гораздо проще и естественнее понимать κομφίσαντες в непереходном смысле: κομφῶι γυνόμενοι, а так как одно из обычных значений κομφῶς «легкомысленный», то κομφίσαντες означает «оказавшись легкомысленным», «рас-

¹ См. Н. Diels, Elementum, Leipzig, 1899, стр. 1 слл.

суждая легкомысленно.» Тогда весь отрывок из Эпикура, включая часть, привлеченную Дильсом и противоречащую его толкованию глагола *κοφίζω*, получает связный смысл и без труда переводится следующим образом: «Те, которые дали впервые удовлетворительное объяснение (природной необходимости) и не только далеко превзошли своих предшественников, но и ученых, живших после них, хотя во многом были великими людьми, но, тем не менее, незаметно для себя, в ряде случаев рассуждали легкомысленно, считая всемогущей слепую необходимость. Учение, проповедовавшее такие взгляды, претерпело крах: у этого мужа [т. е. у Демокрита] теория приходит в столкновение с практикой: если бы он в практической деятельности не забывал о своей теории, то он постоянно приводил бы себя в замешательство» и т. д. Если бы Маковельский не удовольствовался в этом случае пересказыванием Дильса, а обратился непосредственно к доступному всем первоисточнику, то он, несомненно, нашел бы правильный путь к его пониманию.

Теперь просмотрим вкратце, как трактует автор отдельные части системы Демокрита. Из «Канонов» Демокрита, содержащих изложение теории познания и логики Демокрита, до сих пор нам были известны только два отрывка (отр. 10b и 11 у Дильса). Первый гласит, что Демокрит возражал против доказательства, *ἀπὸδειξις*. А. О. Маковельский (стр. 77) на основании этого одного места утверждает, что Демокрит «решительно [sic!] высказывался против дедуктивного метода». О «решительности» говорить бы не стоило, поскольку Секст, у которого это указание находится, сомневается, направлено ли это место против логического доказательства («может быть» — *ταῦτα δὲ καὶ Δ*). Действительный смысл его, однако, становится ясным из схолии Михаила Эфесского (5, 35) к положению Демокрита, цитируемому Аристотелем — «Человек есть то, что мы все знаем»: «Доказывать надо только неясное (*τὸ ἄδηλον*), а не очевидное (*τὸ φανερότατον*)». Очевидно, Демокрит не «отрицал дедуктивного доказательства», а считал, что непосредственно очевидные вещи не могут и не должны быть доказываемы. Второй отрывок посвящен различию между «незаконнорожденной» и «законнорожденной» мыслью. Это все, что нам известно из «Канонов», и сам автор на стр. 82 принужден признать, что «наши сведения о содержании «Канонов» Демокрита весьма скудны». Тем не менее на стр. 56 автор утверждает: «Каким образом истина становится достоянием познающего субъекта в процессе его познавательной деятельности — об этом говорится лишь в конце теоретической системы Демокрита, в которой, как в подлинной системе, начало и конец смыкаются».

Более того: на стр. 167 А. О. Маковельский безоговорочно приписывает Демокриту теорию красноречия Навсифана и под № 114 (ч.2) включает соответствующее свидетельство о Навсифане в число отрывков Демокрита. На стр. 242 он утверждает, что «Треножник» Навсифана был переработкой логики Демокрита, хотя об этом нигде не сказано. Решающим А. О. Маковельский считает утверждение Навсифана о необходимости хорошо знать предмет, о котором говоришь, но почему этого не мог сказать Пиррон? Известно, что Навсифан был в равной мере учеником и Демокрита и скептика Пиррона, а скептицизм много сделал для обоснования логики. Но А. О. Маковельский не довольствуется этим своим выводом: исходя только из этого отрывка, он на стр. 56—57 строит всю систему философии Демокрита на основе изложенной в этом отрывке логики Навсифана. Еще более произвольно поступает Маковельский (в том же № 114), попросту отождествляя логику Эпикура с логикой Демокрита: Эпикур жил после Аристотеля и в ряде вопросов подвергся уже влиянию великого Стагирита! В результате Маковельский с удовлетворением усматривает поразительное сходство между этими сочинениями (т. е. между «Каноном» Демокрита, с одной стороны, и Навсифаном и Эпикуром, — с другой) как в построении их, так и по содержанию¹ *Circulus vitiosus!*

¹ Мне удалось найти чрезвычайно интересное новое свидетельство, относящееся к «индуктивной логике», в «Каноне» Демокрита, на основании которой можно будет говорить более конкретно о содержании этой работы Демокрита.

Данная автором трактовка математически неделимых частиц (амер) у Демокрита и Эпикура не только внутренне противоречива, но и порочна с марксистской точки зрения. На стр. 10 автор замечает: «Согласно С. Лурье Демокрит принимал два типа неделимых: «атомы» и «амеры», не имеющие частей точки..., которые тем не менее имеют минимальную величину». Существование «м а т е м а т и ч е с к и х м и н и м у м о в» (амер), не имеющих частей, до появления моих работ приписывалось только для учения Эпикура (см. Секст, X, 142, Эпикур, Письмо к Геродоту, 58). На основании ряда привлеченных мной впервые свидетельств (Александра, Симпликия, Фемистия, схолии к Евклиду и др.) я утверждал, что это учение заимствовано Эпикуром уже у Демокрита. С этим выводом согласились не все ученые; имел право также не согласиться с ним А. О. Маковельский (см. стр. 10—11 рецензируемой книги). Однако на стр. 86 той же книги он излагает, совершенно так же, как Арним и я, учение Эпикура, справедливо утверждая, что по Эпикуру есть три категории величин: «Видимые и осязаемые точки не допускают деления только для наших несовершенных органов чувств; атомы не допускают физического деления... и, наконец, умопостигаемые наименьшие величины (т. е. амеры!—С. Л.) не допускают деления даже в уме, они абсолютно неделимы». В соответствии с предисловием, в котором он обрушивается на допускающих «америзм» у Демокрита, мы, естественно, ждем, что автор будет допускать это учение у Эпикура, но отрицать его у Демокрита. Нет! Сам себе противореча, он заявляет: «Несомненно демокритовское происхождение этого учения... Эти рассуждения Эпикура являются не чем иным, как повторением учения Демокрита».

В предисловии (стр. 11) автор считает, что амеры Эпикура обязательно должны мыслиться как нематериальные, следовательно, допускать существование амер значит допустить, что материя состоит из нематериальных частиц и впасть во вредный идеализм, «архивздорную мистику», «лжетолкование», а на стр. 86 сам же приписывает учение об амерах Демокриту.

Я же, подобно А. О. Маковельскому, не считаю, что тело, не имеющее частей, обязательно должно было рассматриваться как нематериальное, более того, я могу строго научно доказать, что и Демокрит никогда так не думал. Как раз задачей всех моих работ было показать на ряде текстов, что у Демокрита нет никаких геометрических абстракций, что он говорит лишь о материальных телах, плоскостях и линиях и что его точки, линии и плоскости представляют собой тоже материальные тела, куски материи — только очень узкие и очень маленькие (см. мою «Теорию бесконечно малых у древних атомистов» стр. 60—61, 163 и др.). Не я, а А. О. Маковельский (стр. 23) утверждает, вопреки всем свидетельствам, что у Демокрита «абсолютное пространство мыслится существующим независимо от материи».

В рассуждениях об атомах и пустоте я хотел бы отметить одно неверное утверждение. На стр. 6 в прим. 6 читаем: «Своим первотельцам [Демокрит] дает следующие названия:... «что» (τὸ δέον)... термин, искусственно созданный самим Демокритом». Это не верно. Этот термин был употреблен уже поэтом Алкеем (fr. 84, Lobel), жившим за 150—200 лет до Демокрита (καὶ κ' ὁδὲν ἐκ δέονος γένοιτο). В разделе «Космогония» непонятно утверждение автора, будто земля у Демокрита «имеет форму чаши». Он, очевидно, переводит: κοιλὴ ἐν τῷ μέσῳ «полая внутри», но так как рядом с этим определением стоит еще τὸ τετραγώνου, то, очевидно, земля у Демокрита имела форму не чаши, а барабана (тимпана) с вогнутыми днищами. Еще более странное утверждение А. О. Маковельского (стр. 7), будто у Левкиппа «земля—плоский круг», повидимому, имеет единственным источником Aristot., de caelo, II, 13, p. 294 b, 13, где говорится, что земля—это круглая крышка (экваториальная плоскость); однако Аристотель отличал Левкиппа от Демокрита, а здесь он говорит только об Анаксагоре и Демокрите. Ввиду противоречия этого указания целому ряду других свидетельств о Демокрите принято считать это свидетельство недоразумением или интерполяцией, тем более, что в Exh. Vatic., 381 взгляд Анаксагора, по которому земля—плоская, прямо противопоставлен взгляду Демокрита, по которому земля вогнутая. Впрочем, на стр. 173 А. О. Мако-

вельский, вопреки тому, что он же говорит на стр. 96, утверждает, что и у Демокрита земля не чашеобразная, а плоская и притом парит в воздухе!

Перехожу к отделу биологии и медицины. Непонятно, из каких источников Маковельский взял утверждение, будто Демокрит, подобно Эмпедоклу, говорил о «всевозможных чудовищах и уродах странной наружности» при возникновении мира и даже об отдельном возникновении отдельных органов животных и частей их тела (стр. 102). Ничего подобного в источниках не содержится.

На стр. 61, в угоду схематическому построению автора, утверждается, что среди представителей медицины V в. «развился позитивизм с его «ползучим эмпиризмом». Это неверно: главным недостатком медицины V в. был недостаток эмпирических данных и то, что она исходила из отвлеченных философских предположений об элементах, «соках организма» и т. д., пытаясь построить лечение больных на этих предположениях.

На первый взгляд чрезвычайно интересно свидетельство № 596 на стр. 332 из Varro «Res rusticae», I, 12, 2, из которого автор заключает, что уже Демокриту было известно существование микроорганизмов, причиняющих болезни. На стр. 105 своего исследования автор ссылается на эту, как он говорит, «гениальную догадку Демокрита, предвосхищающую дальнейшие открытия», как на незыблемо установленный в науке факт; «Демокрит первый ... пришел к мысли о том, что эти мельчайшие животные ... являются причиной разных тяжелых заболеваний», причем Маковельский ссылается еще на другое место Варрона (I, 92, 2), которого вообще не существует. У автора не было достаточного основания для включения замечания Варрона в число свидетельств о Демокрите. Вся аргументация А. О. Маковельского в пользу принадлежности этого отрывка Демокриту сводится к ссылке, что «это учение возводит к Демокриту Бекштрем» (ЖМНП, 1916, март). Однако у Бекштрема (стр. 111 написано: «У кого бы из древних натурфилософов V в. эта мысль ... ни была заимствована—Анаксагора, Диогена из Аполлонии, Демокрита или кого-либо другого», и далее на стр. 128 он заявляет, что «далее этих общих соображений, конечно, мы идти не можем» и что «*lis adhuc sub iudice est*» (стр. 130).

В отделе психологии мы сразу же встречаем ряд полсжений, которые были бы важны принципиально, если бы они подтверждались текстами. См., например, стр. 80—81: «В психологии Демокрита психика ребенка характеризуется хаотичностью, бурными душевными движениями, неумеренными желаниями». Откуда это? Или откуда № 104: «Жизнь, по учению Демокрита, есть горение (это положение получило экспериментальное подтверждение в химии нового времени)». Последнее замечание (о новом времени), конечно, верно; но Демокрит никогда не утверждал, что жизнь есть горение, ибо у Демокрита в нормальных условиях атомы огня не производят никаких разрушений в теле, а только слегка раздвигают атомы, проникая в промежуток между ними.

Полемику Аристотеля («De part. anim.», IV, 10, p. 687a, 16) против Анаксагора (см. Аристотель, там же, строку 7) А. О. Маковельский считает почему-то направленной против Демокрита и поэтому приписывает Демокриту учение о роли руки в прогрессе человеческой культуры. И это положение ничем не доказано.

При восстановлении этики Демокрита основное значение имеет вопрос достоверности источников. Дильс считал, что доверия заслуживает только Стобей и «Золотые изречения» Демокрита; так как Лауэ усомнился в подлинности последних, Дильс стал на их защиту. А. О. Маковельский довольствуется тем, что точно повторяет эти рассуждения Дильса, хотя советскому ученому не следовало бы в этом случае плестись за немецкими исследователями, а надлежало бы снова и во всей широте поставить вопрос о правильности использования не только этих собраний, но и Парижских гномологий, равно как и собраний Максима и Антония, тем более, что они были переведены на русский язык уже в XV в. Маковельский, очевидно, вслед за Дильсом считает их не заслуживающими внимания и даже не упоминает о них в обзоре источников, а между тем в тексте на стр. 153 (дважды) и 158 (с прим. 6) он основывается на этих изречениях, несмотря на то, что как раз здесь изречение: *υεχρόν ιατρείβη καί*

ὑέρουτα ποδῶδες—ямбический триметр, заимствованный из аттической комедии, а никак не из Демокрита!

Удивляет трактовка вопроса о военной науке у Демокрита. На стр. 55—56 Маковельский, вслед за Дильсом, показывает, что соответствующие сочинения (нам известны только их заглавия!) принадлежат не Демокриту, а некоему историку Дамокриту александрийского времени, но на стр. 170—171 неожиданно оказывается, что эти сочинения не только подлинные, но еще и написаны в духе механистического материализма. Мало того, автор подробно излагает их содержание (неизвестно, из каких источников) и даже сообщает, что с этими сочинениями якобы полемизировали: Платон (где—не указано), автор XVIII в. Дешан, рукопись которого находится в Баку, и, наконец, Фр. Энгельс в «Антидюринге» (стр. 91). Однако Фр. Энгельс в этом месте ни слова не говорит о Демокрите.

Перейдем теперь ко второй части труда Маковельского—к его собранию отрывков и свидетельств о Демокрите.

Всякий исследователь, имея перед собой такого рода труд, прежде всего заинтересуется вопросом о принципах, положенных в основу привлечения материалов и о методике критической их обработки. Принципы, на которых основывается проф. Маковельский при подборе материалов, обнаруживаются лучше всего в его утверждении (стр. 198), что использование свидетельств неоплатоновских комментаторов Аристотеля, метафизических апорий Феофраста и других аналогичных источников не имеет сколько-нибудь существенного значения для изучения воззрений атомистов. Мы, прежде всего, не считаем правомерным применение А. О. Маковельским ко всем комментаторам Аристотеля названия «неоплатоники», хотя, разумеется, все они были в большей или меньшей мере пропитаны неоплатоническими идеями; с другой стороны, мы позволили бы себе усомниться в правомерности такого чрезмерного самоограничения; если мы принципиально откажемся от использования идеалистической—неоплатонической, метафизической и т. д.—литературы, то много ли останется от наших знаний о Демокрите? Опыт показывает, что в оставленной автором в пренебрежении поздней литературе (в частности—патрологической) можно найти еще очень много новых принципиально интересных свидетельств; точно так же имеются и свидетельства о Демокрите в литературе классического периода, до сих пор не замеченные. До сих пор никто из крупных исследователей античности не сомневался, что будущее принесет нам еще не мало отрывков и свидетельств о Демокрите.

Посмотрим, как реализует автор во второй части своего труда эти свои принципиальные установки.

Основной отдел, посвященный Демокриту, включает в себе в общей сложности 619 номеров (не считая отрывков псевдо-Демокрита и подражаний Демокриту), а так как в некоторых номерах соединено по 2—3 свидетельства, в общем здесь собрано почти 800 свидетельств.

Первое, что естественно вызывает интерес рецензента, это вопрос о том, какие же новые, ранее не известные отрывки привлекает автор. К сожалению, ответить на этот вопрос дело нелегкое. У проф. Маковельского нигде нет указаний, у кого заимствован тот или иной отрывок его собрания, а также нет предметного, именного указателя и указателя источников. Рецензенту пришлось произвести большую работу для того, чтобы установить, откуда взят А. О. Маковельским тот или иной отрывок.

Оказалось, что из привлеченных Маковельским отрывков Демокрита лишь 89 не вошли в собрание Дильса. При этом не может не удивить, что А. О. Маковельский включил в свое собрание и 60 свидетельств «неоплатоновских комментаторов Аристотеля», против привлечения которых он же сам решительно выступает в своих вводных замечаниях.

Заимствованные у Дильса отрывки А. О. Маковельский расположил в ином—по сравнению с изданием Дильса—порядке, но в понимании текста он точно следует толкованию Дильса. Точно так же, поскольку я мог проследить, те немногочислен-

ные примечания, которые содержатся в собрании отрывков Маковельского, должно в з я т ы у Дильса, однако без всякого указания на источник¹.

Перейдем теперь к рассмотрению тех 89 отрывков, которые автор привлек не из Дильса. Из них 10—это отрывки из писем Эпикура, приведенных в X книге Диогена Лаэртия, 7 взяты из Лукреция (преимущественно из V книги). На близость взглядов, высказываемых в этих местах, к взглядам Демокрита, как и вообще на близость эпикурейцев к Демокриту, указывалось в литературе очень часто. Тем не менее до сих пор они никогда не включались в число свидетельств о Демокрите.

В самом деле, если все места у эпикурейцев, в которых можно предположить заимствование у Демокрита, вносить в число свидетельств о нем, то придется, переписав большую часть писем Эпикура и поэмы Лукреция, включить затем все это в собрание отрывков Демокрита. Нам представляется, что единственным принципом для составления такого собрания может быть привлечение лишь свидетельств, в которых 1) названо имя Демокрита, прямо или описательно, 2) точно и дословно повторены его подлинные выражения и 3) ведется несомненная полемика с ним. Между тем в числе этих привлеченных автором, помимо Дильса, отрывков есть даже отрывки, включающие такие взгляды, которые никак не могли быть высказаны Демокритом, и есть лишь один-два таких, о которых можно с большим или меньшим правдоподобием сказать, что они имеют в виду Демокрита.

Еще 10 «новых» свидетельств заимствованы из Платона, причем ни в одном из них Демокрит не назван по имени. Влияние Демокрита на Платона не подлежит сомнению, и многие из этих отрывков уже не раз разбирались у Дироффа, Гаммер-Иенсен, Хинди, Франка и др. Однако, как справедливо указывает сам же А. О. Маковельский в другом месте (стр. 184 его книги), «обычной манерой Платона было рассматривать философские учения, обобщая родственные направления. Платона всегда интересует тип мировоззрения, а не учение отдельного философа в его своеобразии». Поэтому совершенно незаконно включать безыменную полемику Платона с его материалистическими или полуматериалистическими противниками в число свидетельств именно о Демокрите.

Из остальных 60 отрывков, не вошедших в собрание Дильса, только 3 свидетельства, поскольку я могу судить, еще не находятся в научном обращении и имеют право на включение в собрание отрывков Демокрита.

Это следующие отрывки:

1) Aristot. De interpret. 9 p. 18 B 26 (№ 729). Это место, несомненно, представляет собой полемику с Демокритом, и оно очень интересно, так как показывает влияние

¹ Напр., Маковельский

№ 68: «Симплиций, Phys. 331, 16 относит это место Аристотеля к Демокриту».

№ 81: «Против Демокрита Эпикур, ep. I (Диоген X, 61)».

№ 102: «После 46A 99»... (см. 18A 45)».

№ 229: «Р. Риттер и Узенер приписывают Демокриту цитируемое Эпикуром в «Пире» 62a (118, 19 Usener) изречение»...

№ 230: «Немесий» О природе человека «247 Matth.» это неверно».

№ 246: «Д. 390; вероятно, из эпикурейского источника».

№ 281: «(Полемика против Демокрита)».

№ 329: «В это же сочинение Демокрита входили, может быть, фрагменты В 170, 171, 174, 191, 194, 235, 285, 286».

Дильс, 3-е изд.

№ A 69: «Bezieht Simpl. Phys. 331, 16 auf Demokrit».

№ A 61: «Gegen Demokrit Epikur Ep. (Diog., X, 61)».

№ A 101: «Nach 46A 99»... (S. 18 A 45)».

№ B 32: «H. Ritter und Usener wollten das von Epikur im Symposien fr. 62a (118, 19 Us.) Zitierte Wort... Demokrit zuzuschreiben».

№ A 143: «Nemes. de nat. hom. 247 math... «Demnach unrichtig».

№ A 105: «D. 390; verm. aus epikur. Quelle».

№ A 130: «[Polemik gegen Demokrit]». Стр. 133 (к № 24); «Zugehörig vielleicht: B 170, 171, 174, 191, 194, 235, 285, 286».

Аристотеля на Эпикура в мотивировке одного из основных принципиальных расхождений с Демокритом. К сожалению, совпадения с Эпикуром А. О. Маковельский не заметил и как раз на это ни словом не указал.

2) Ps.-Plut. De Homeri vita с. 150, р. 422 (№ 262). Новое подтверждение уже давно отмеченного влияния Гомера на теорию образов Демокрита.

3) Eustath., р. 1518, 18.

Относительно двух последних, к сожалению, нельзя быть уверенным, что ссылка на Гомера содержалась уже у Демокрита: возможно, что это комбинация какого-либо позднего ученого, но комбинация, во всяком случае, заслуживающая внимания.

За исключением этих отрывков, собрание Маковельского не представляет самостоятельного научного интереса. Несколько необычная манера ссылок затрудняет пользование этим собранием. Автор нигде в своем исследовании не ссылается на номера с в о е г о п р и л о ж е н н о г о к нему собрания отрывков, а ссылается только на Дильса, и притом на с т а р о е издание, несмотря на то, что новое издание Дильса вышло уже 13 лет назад¹.

К сожалению, мы должны отметить также ряд недостатков перевода. Как известно, целый ряд отрывков Демокрита дошел до нас в вырванном из контекста или искаженном виде. Переводить их можно только на основании более или менее произвольных догадок или дополнений ученых. Для того чтобы читатель мог судить, в какой мере эти отрывки можно использовать для восстановления подлинного облика Демокрита, необходимо дать аппарат, т. е. сообщить, что в переводе достоверно, а что гадательно. А. О. Маковельский этого никогда не делает: он дает перевод по конъектуре, сделанной каким-либо ученым и принятой у Дильса, или по собственной догадке, в аподиктической форме, никогда не давая научного аппарата. Приведу примеры.

Отр. 135 (Дильс 195). А. О. Маковельский переводит без всяких оговорок: «Бывают женщины, которые, подобно статуям, великолепны на вид» и т. д. Между тем в дошедшем до нас предложении подлежащего нет. Речь могла идти и о женщинах, и о богах, и о софистах и т. д. Это не мешает автору делать отсюда выводы об отношении Демокрита к женщинам.

Отр. 433 (№ 44 Дильс, 225). Автор переводит: «Должно говорить истину, это всегда гораздо лучше». Очень похвальное изречение, но, к сожалению, в рукописях ничего такого не читается. В рукописях Стобея читается: $\delta\kappa\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\sigma$. «Должно говорить правду, где это выгоднее», — совсем иной смысл. В рукописях «Золотых изречений»: $\sigma\upsilon\ \kappa\omicron\lambda\omicron\lambda\omicron\upsilon\sigma$, «надо быть правдивым, однако же не болтать лишнего». Перевод А. О. Маковельского основан на произвольном исправлении текста Бюхелером, которое в старых изданиях было с колебаниями принято Дильсом, а в его новом издании уже отвергнуто, как неудовлетворительное.

Еще хуже, когда А. О. Маковельский дает просто неверные переводы, искажающие смысл подлинника. В привлеченном впервые мной для Демокрита («Изв. АН СССР», 1927, стр. 1051 слл.; Докл. АН СССР, 1929, стр. 140) свидетельстве из Аристотеля (De div. in somn. 464 a), включенном в собрание Маковельского под № 292, выражение: $\mu\epsilon\theta' \ \eta\mu\epsilon\rho\alpha\upsilon \ \gamma\alpha\rho \ \epsilon\gamma\iota\nu\epsilon\tau' \ \alpha\nu \ \kappa\alpha\iota \ \tau\omicron\iota\varsigma \ \sigma\phi\omicron\iota\tau\omicron\iota\varsigma, \ \epsilon\iota \ \theta\epsilon\omicron\varsigma \ \eta\nu \ \acute{\omicron} \ \kappa\epsilon\mu\iota\tau\omicron\upsilon$, он переводит: «Днем же это может возникнуть у мудрецов, если посылает бог». Этот перевод нарушает элементарные правила грамматики, совершенно искажает смысл и дает превратное представление об учении Демокрита. Ведь только в русском языке частица «бы» ставится и в главном и в придаточных предложениях; в греческом частица $\acute{\omicron}\nu$, «бы», ставится только в главном предложении и с *indicat.* исторических времен означает «нереальное условие»: поэтому в русском переводе ее нужно вставить и в главное и в придаточное предложения. Автор же оставил без перевода и частицу $\acute{\omicron}\nu$, «бы»,

¹ Например, в отр. 313 собрания А. О. Маковельского содержится такая ссылка: «срв. Демокрит В 142». Поискав этот № у Дильса, я убедился, что В 142—это то же, что № 314 собрания Маковельского, т. е. отрывок, напечатанный на той же странице, лишь несколькими строками ниже первого: читатель принужден делать долгие изыскания, тогда как нужный ему отрывок напечатан тут же рядом.

и союз $\kappa\alpha\iota$, «и», и не заметил артикля при $\sigma\phi\omega\iota\varsigma$. Правильный перевод будет: «Если бы (бредовые видения, предсказывающие события) посылал бог, то они возникали бы днем и у мудрецов (а не только у юродивых)». Итак, здесь Демокрит старается доказать, что сны посылают не боги; по А. О. Маковельскому же он, наоборот, утверждает, что сны посылают боги.

Отр. 601 (D. 129): $\phi\rho\epsilon\nu\kappa\iota\ \theta\epsilon\iota\zeta\ \nu\omicron\upsilon\nu\tau\alpha\iota$ автор переводит: «Они измышляют божественные (существа)». Этот перевод невозможен: «измышлять, выдумывать» по-гречески $\kappa\lambda\acute{\alpha}\tau\tau\epsilon\upsilon$, $\psi\epsilon\upsilon\delta\epsilon\sigma\theta\eta\iota$, а не $\nu\omicron\epsilon\iota\sigma\theta\eta\iota$. Демокрит называл «божественным» творчество философа или поэта; поэтому здесь необходимо принять перевод Дильса: «(поэты или философы) своим умом мыслят божественно».

Совершенно не дающий никакого смысла и неверный перевод дает А. О. Маковельский для отр. 574 из комментария Порфирия к Гомеру: «Некоторые выдумали относительно поэта (Гомера), будто он имел черные кости. Они ссылаются на Ореста, (будто бы) сказавшего это вследствие сообщения Демокрита относительно орла, что (у последнего) черные кости. Так они искажают истину». Вдумаемся в то, что говорит А. О. Маковельский. Орест (живший, по преданию, за 1100 лет до н. э.) сказал, что Гомер, ж и в ш и й ч е р е з 100—200 л е т после него, имел черные кости; сказал же он это под влиянием Демокрита, ж и в ш е г о ч е р е з 700 л е т п о с л е н е г о. При этом искажена структура греческого предложения и оставлены без перевода слова $\acute{\upsilon}\phi'\eta\nu$ и $\kappa\alpha\iota$.

В действительности речь идет о следующем: некоторые читатели в XXI кн. «Илиады», в ст. 252, вместо обычного начертания двумя словами $\mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\nu\omicron\sigma\tau\omicron\upsilon$, «черного того» (т. е. орла),—одно слово: $\mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\nu\omicron\sigma\tau\omicron\upsilon$ «чернокостного». Правильный перевод этого места: «Некоторые выдумали относительно поэта, будто он сказал (об орле) «ч е р н о к о с т н о г о» одним словом, как слово: 'Ορέστου (они утверждали это) вследствие того, что и Демокрит рассказывал относительно орла, будто у него черные кости. Но они искажают истину».

Еще более поразительный перевод отр. 592 (Дильс, 27а): «Демокрит... и Вергилий говорят о том, что пчелы могут рождаться по отнятии молодняка». В подлиннике же у Колумеллы, IX, 14, 6, читается очень простая вещь: «Progeneari posse apes iuvenco pereempto Democritus... nec minus Vergilius prodiderunt, т. е. «Демокрит и Вергилий сообщают, что пчелы могут рождаться из убитого быка,—поверье, распространенное до XIX в. А. О. Маковельский перевел слово «бык», iuvenco, ввиду его сходства с iuventus, как «молодняк»; «pereempto», «убиваю», как «отнимаю», и получилась нелепость. Если бы автор заглянул в то место Вергилия, на которое указывает Колумелла,—«Georg.» IV, 284,—он прочел бы там: Caesis iam saepe iuvencois insincerus apes tulerit stuoq—«Из порченой крови быков убиенных пчелы рождаются»; далее у Вергилия следует подробное описание, как получить пчел таким способом.

Приводимые образцы составляют лишь незначительную часть погрешностей, обнаруженных мной в книге. Таких промахов, как неправильное цитирование источников (по различным, часто устаревшим изданиям—в зависимости от того, как они случайно приведены в книге, откуда источник передитирован), как указания автора без ссылки на книгу или страницу, описок и т. п., я здесь вовсе не мог коснуться.

Заслугой автора является связанное изложение философской системы атомистов с привлечением большой научной литературы, перевод многочисленных отрывков с включением в собрание трех новых свидетельств о Демокрите и попытка осмыслить наследие Демокрита с точки зрения марксистской методологии. Крупными недостатками работы являются: слепое следование авторитетам, в частности, авторитетам старой немецкой идеалистической литературы, приводящее автора к методологическим ошибкам; социологическое схематизирование, побуждающее иногда автора прибегать к фантастическим восстановлениям недошедших до нас частей труда Демокрита и неправильно толковать дошедшие; путанность и внутренне противоречивая концепция, отсутствие научного аппарата, неряшливость, часто просто неправильность перевода текстов.

Проф. С. Я. Лурье